

Тут — помнить, а тут — нет

Расширительное толкование понятия «геноцид» призвано решить сиюминутные проблемы, а не закрепить коллективную память о жертвах Великой Отечественной

13:02, 13 февраля 2026,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

Мемориал мирным жителям СССР — жертвам нацистского геноцида в годы Великой Отечественной войны.
Фото: Алексей Смышляев / Коммерсантъ

Последние дни отмечены шквалом комментариев российских официальных лиц, и особенно министра иностранных дел Сергея Лаврова, о текущей внешнеполитической и военной повестке. Смысл их сводится, во-первых, к мантре

четырёхлетней выдержки, согласно которой мир состоится только при устранении первопричин конфликта, во-вторых, американцы что-то недопоняли в «пониманиях» Анкориджа, поэтому отношения с ними если не портятся, то стагнируют. Во всяком случае, ужесточению риторики способствовали тупик с ДСНВ и острая необходимость проявлять солидарность с венесуэльским и кубинским народами. Что имеет, судя по опыту с другими братскими народами (например, армянским и сирийским), исключительно риторический, а вовсе не практический смысл.

Среди прочего министр, отвечая на вопросы об отдыхе у камина и спорте, выразился в том смысле, что сплав на байдарках и в целом спортивные упражнения — это «служение Родине» (в одном из интервью он эту мысль подчеркнул два раза). Сразу вспомнилась бессмертная песня Алексея Игоревича Иващенко и Георгия Леонардовича Васильева, лирический герой которой обещал себе, находясь в схожем спортивного характера походе, «водку бессмысленно больше не жрать, а жрать ее только с особенным смыслом». То есть обозначая сам процесс как «служение Родине». Можно даже тосты за верховного провозглашать, тогда даже невидимый товарищ майор признает такое времяпровождение «служением Родине».

В череде интервью и выступлений можно было обнаружить не только мантры, обещающие полновесный пятый год боевых действий, но и еще ряд констатаций. Например, такую: «Будем добиваться, чтобы никто не забыл о решающем вкладе нашей страны в Победу над германским нацизмом и японским милитаризмом. И чтобы преступления немецко-фашистских захватчиков и их пособников против граждан Советского Союза всех национальностей были признаны международным сообществом в качестве геноцида советского народа. Уже совсем скоро — 19 апреля — Россия впервые отметит День памяти жертв этого геноцида».

Принудительно-запретительное горевание

Это еще одна рукотворная конфликтная история. Никто в здравом уме не оспаривает решающий вклад СССР в Победу (однажды оспорил лучший друг российского режима Трамп, но «история с географией» не самая сильная сторона американского президента). Риторическая уловка здесь в другом: чтобы объяснить спецоперацию, за прошедшие годы отлили в граните идеолого-пропагандистский штамп: СВО — это продолжение Великой Отечественной, оборонительная ***, которая ведется в ответ на нападение коллективного Запада, исторически в лице Наполеона, Гитлера и НАТО, между которыми разницы никакой нет.

В прошлогодней версии-2025 ключевой источник зла поменялся: раньше это были США, теперь — Европа (в более ранних версиях пропагандистского клише все было ровно наоборот). Словом, коллективное «мы» — это наследники Победы. Но «мы» — это еще и жертвы, наследники жертв Великой Отечественной. Если против советского народа велся геноцид, то и сейчас российский народ борется за то, чтобы не стать жертвой геноцида со стороны Европы.

Новый День памяти имеет символическое и идеологическое значение, дополняя 9 Мая и 22 июня.

В ритуалах горевания, утверждаемых государствами, нет ничего плохого — они объединяют нации и напоминают об истории. Другой разговор, что формы и технологии, даже сами названия такого рода ритуалов нужны государству, а не обществу.

Тем более такому государству, которое полностью стремится колонизировать гражданскую сферу и национализировать частную память и семейную скорбь.

Это еще один инструмент контроля над историческим нарративом. Причем в схему встроен специальный «чип» немедленно возникающего запрета. Вы горюйте по команде, но не вздумайте даже ставить под сомнение адекватность задумки государственных идеологов. В пакете с новой скорбной датой идет запрет в форме уголовной санкции — в частности, за отрицание факта геноцида советского народа (проект поправок к УК прошел первое чтение). Едва ли, опять же, может обнаружиться множество людей, которые способны публично оскорблять память жертв нацизма. Их действия уже наказуемы по другим уголовным статьям, однако акцент делается именно на понятии «геноцид».

Советский народ или русский народ?

Символические, идеологические, пропагандистские задачи тем самым решены. Остаются юридические и исторические вопросы. Но кто же будет спорить с государством, обладателем монополии на формулирование высших истин под угрозой преследования, даже если оно вольно толкует понятие «геноцид»? А это понятие содержит четкое целеполагание — стремление к уничтожению целого народа или этнической группы («Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», утверждена и подготовлена к подписанию Генассамблеей ООН в 1948 году, ратифицирована в 1951 году двадцатью странами). «Преступления против человечности» — более широкое понятие, «геноцид» — более узкое, и под его него подпадает, например, уничтожение евреев (Холокост), цыган, армян. Однако в том-то и дело, что в нашем случае не имеет значения юридическая чистота, важен однократный пропагандистский эффект и многократное закрепление ритуалом и запретом статуса народа-«жертвы». В

большей степени — российского народа, советский этой темой не был озабочен.

Фото: Агентство «Москва»

Логическая проблема. Речь идет о советском народе, а подразумевается русский народ. Между тем в «новую историческую общность — советский народ» (определение Конституции СССР 1977 года) входили те же украинцы. Признается ли тем самым современной российской властью геноцид украинского народа? Туркменского? Азербайджанского? Чеченского (подвергнутого советской властью депортации, которая тоже, кстати, юридически не является геноцидом)?

В такой логике, в таком толковании геноцидом должны быть признаны сталинские массовые репрессии. То есть война государства с собственным народом. Советским. Тогда логично новый День памяти объединить с другим — Днем памяти жертв

политических репрессий, с которым отечественные власти в последние годы ведут необъявленную войну. Потому что нынешние «диссиденты» в государственном «военно-историческом» понимании — наследники по прямой тогдашних «врагов народа».

19 апреля как День памяти жертв геноцида советского народа было выбрано в связи с тем, что в этот день в 1943-м издан указ президиума Верховного совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». В указе речь не идет о геноциде, как не шла она и на Нюрнбергском процессе, потому что само понятие «геноцида», сформулированное юристом Рафаэлем Лемкиным, находилось в стадии становления.

Что имели в виду авторы поправок в УК, наказывающих за отрицание геноцида? Отрицание самого определения понятия «геноцид» (что, повторим, разрушает целую общепризнанную международно-правовую конструкцию, но и целый пласт работы профессиональных, именно профессиональных, а не «мегафонных» историков) или отрицание фактов уничтожения людей? Которые никто и не отрицает. На выходе получается дополнительная криминализация исторической науки. Будут шельмовать и изгонять историков из профессии (в лучшем случае), как когда-то Александра Некрича за книгу об ошибках Сталина в предвоенный период и на первоначальном этапе войны?

Все это вопросы без ответа, потому что замысел — эксплуатировать собственную историю в нынешней политической ситуации. Как говорит тот же министр иностранных дел в противоречии со своим же тезисом о зле, исходящем не от США, а от Европы, — «войны, развязанной Байденом».

Неприличное слово «еврей»

В советском нарративе жертв, очень похожем на нынешний российский, умело утапливались именно «классические» геноциды (то есть — еще раз — имеющие задачу полного физического уничтожения целого народа), и особенно Холокост. Стыдливый государственный антисемитизм не предполагал использования неприличного слова «еврей» даже в памятных знаках над местами массового уничтожения именно евреев. Страдал советский народ в целом. И билет в категорию жертв еврей мог получить только вместе со всей «новой исторической общностью» и не будучи названным по пятому пункту. Пункт есть, поминовения — нет. И в советской, и даже в пропагандистской российской историографии про иные лагеря смерти не говорится, что они были лагерями уничтожения именно евреев. Такая лукавая избирательная амнезия превращается, по определению Павла Поляна, в «историомор», уничтожение, в том числе путем умолчаний, реальных представлений о реальной истории.

Еврейская общественность немного повозмущалась, поскольку 19 апреля — одна из самых значимых дат в истории Холокоста, день начала восстания в Варшавском гетто в 1943 году. Но была утешена приглашением в Кремль двух официальных российских раввинов для совместного (что важно) упоминания на приеме у президента блокады Ленинграда и Дня памяти жертв Холокоста.

Лавров ставит задачу (или ему поставлена задача) признания геноцида советского народа международным сообществом. Разумеется, это будет еще одна долгая конфликтная история, еще один повод для информационной войны с Западом, который не будет признавать геноцид ввиду юридико-терминологических нюансов толкования термина при понимании, что кремлевские технологи используют это понятие (основанное на решении нескольких десятков

региональных судов) в пропагандистских целях. А не для защиты по-настоящему священной памяти.

Подлинная память нуждается в защите, это правда, только от искажений ее государством.

И от реквизирувания властью памяти семейной, которая еще теплится и живет — не только в семейных альбомах, письмах, но и в архивах, куда теперь ограничивается доступ. Вместе с памятью о массовых репрессиях, а она до недавних пор составляла подлинный национальный мемориальный канон вместе с памятованием жертв Великой Отечественной. Во многих семьях, как и в моей, хранится память о предках и родственниках, ставших жертвами одновременно и войны, и ГУЛАГа, и ленинградской блокады. Теперь этот канон разорван и профанирован. Что уж точно не способствует единству нации, а в еще большей степени раскалывает ее.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов»

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Передоз](#)

Продолжительность спецоперации сравнялась с продолжительностью Великой Отечественной.
Общество — устало

12:03, 11 января 2026, Андрей Колесников*